

К. Н.
ЛЕОНТЬЕВ

Сочинения

Константин Николаевич Леонтьев

О богословствовании мирян

...Настоящій «отрывокъ» безъ заглавія и конца найдеть ... въ бумагахъ К. Леонтьева. Это черновой набросокъ одной изъ неоконченныхъ главъ «Записокъ Отшельника», печатавшихся въ Гражданинѣ 1868 г. съ подзаголовкомъ «Влад. Соловьевъ противъ Данилевскаго»...

К. Н. Леонтьевъ

О богословствованіи мірянъ

[1]

Многіе изъ тѣхъ новыхъ объясненій и Мотѣнковъ, которые внесли въ Православное Богословіе Хомяковъ и Самаринъ, остаются еще и не отвергнутыми и не принятыми Церковью нашею.

Не вдаваясь здѣсь въ спеціальныя и серьезныя разсужденія по этому вопросу, я скажу только кратко мое личное мнѣніе объ этихъ двухъ мірскихъ или свѣтскихъ богословахъ нашихъ. При всей моей готовности подчиняться въ дѣлахъ религіозныхъ мнѣніямъ православнаго духовенства, я не могу никакъ согласиться съ тѣми изъ духовныхъ пастырей нашихъ, которые хотятъ у вѣрующихъ мірянъ отнять право богословствовать.

Нѣкоторые изъ нихъ прямо говорятъ, что высшихъ духовныхъ вопросахъ не должны разсуждать люди, не имѣющіе духовнаго сана. Такого мнѣнія былъ, между прочимъ, и покойный отецъ Климентъ Зедергольмъ, (котораго біографію, какъ извѣстно, я издалъ). У меня есть написанная его рукою замѣтка въ этомъ духѣ по поводу сочиненій А. С. Хомякова. Мнѣніе же Зедергольма важно въ этомъ случаѣ не столько потому, что онъ былъ спер-

ва магистръ филологъ. Московскаго Университета, а потомъ чрезвычайно начитанный въ св. отеческихъ книгахъ монахъ, сколько потому, что личный складъ его ума и характера склонялъ его къ крайней богобоязненности въ дѣлахъ вѣры и онъ не позволялъ себѣ ни на волосъ отклоняться отъ того, что слышалъ отъ оптинскихъ старцевъ. Не знаю, читали ли Хомякова нынѣ въ Бозѣ почившіе великіе Оптинскіе учителя: Макарій, Моисей и Антоній. Богословскія сочиненія въ то время изданы не были, но эти старцы могли, быть можетъ, имѣть довольно ясное понятіе о духѣ и взглядахъ Хомякова, черезъ посредство Ивана Васильевича Кирѣевскаго, который жилъ въ своемъ имѣніи недалеко отъ Оптиной и былъ очень близокъ со всѣми этими духовными дѣятелями. Очень можетъ быть, и даже всего вѣроятнѣе, что Климентъ слышалъ отъ нихъ подобное мнѣніе, отрицающее право мірянъ на богословствованіе. Я говорю, всего вѣроятнѣе потому, что едва ли бы благоговѣвшей такъ безусловно передъ духовниками Оптинскими Климентъ рѣшился бы самъ отъ себя такъ рѣшительно говорить

объ этомъ.

Благоговѣю и я передъ памятью и передъ мнѣніями этихъ великихъ духовныхъ отцевъ, но все-таки не такъ безусловно какъ благоговѣль Климентъ; (быть можетъ потому, что я не монахъ и клятвы *отречѣнія*, подобно ему, не давалъ). Но во всякомъ случаѣ я позволяю себѣ раздѣлить мысленно нравственно-аскетическій авторитетъ ихъ отъ отвлеченно-богословскаго и отъ церковно-историческаго. Когда коснется до послѣднихъ двухъ отраслей Боговѣденія я считаю себя въ правѣ принимать въ расчетъ взгляды и такихъ современныхъ образованныхъ священниковъ, какъ напр. о. Иванцовъ-Платоновъ, и такихъ мірянъ, какъ покойные Хомяковъ и Самаринъ или какъ нынѣ здравствующіе г.г. Филипповъ и Влад. Соловьевъ. И если мой умъ и сердце чѣмъ-нибудь отдѣльнымъ, больше удовлетворяются или въ статьяхъ от. Иванцова-Платонова и «Православнаго Обзорѣнія» (*позднѣйшихъ годовъ*) или во взглядахъ Хомякова, Самарина, Т. И. Филиппова и. Вл. С. Соловьева, если они (т. е. умъ и сердце мое), удовлетворяются этимъ болѣе,

чьмъ взглядами Оптинскихъ отцовъ на этотъ самый предметъ, то я, даже и при полнѣйшей готовности подчинить *мою личную жизнь* волю избраннаго духовнаго старца, *умъ мой* оставлю свободнымъ и свободномыслящимъ въ предѣлахъ извѣстнаго и мнѣ и другимъ общеправославнаго догмата и преданія. Я понимаю это дѣло такъ: человекъ, признавшій надъ своимъ личнымъ поведеніемъ власть духовника или старца долженъ и не писать и не читать даже о томъ, что этотъ старецъ нашелъ для него лично *не полезнымъ*, или *душвередительнымъ*; но сами по себѣ эти, ему запрещенные взгляды, мнѣнія, книги и т. д. могутъ сохранять въ глазахъ его свое общее достоинство, *удовлетворяющее его уму*. «*Не теперь, такъ позднѣе* это будетъ принято Церковью можетъ думать про себя и этотъ независимый *мыслью* человекъ, свободно подчинившій свою волю личной святости другого человека, котораго онъ счелъ этого достойнымъ. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ, если бы сами отцы Леонидъ и Макарій, родоначальники Оптинскаго старчества, или лишь имъ близкій и недавно только скончавшійся

истинно великій духовникъ и подвижникъ Аѳонскій Іеронимъ, если бы они всѣ сказали мнѣ то, что говорилъ Климентъ, то есть, что міряне, люди, не имѣющіе духовнаго сана, не должны писать о высшемъ богословіи и вообще о важнѣйшихъ церковныхъ вопросахъ, то я отвѣтилъ бы имъ: — Извольте, я самъ не буду писать объ этомъ, да я къ тому же и не богословъ и вообще не очень ученъ. Потери отъ моего молчанія никому большой не будетъ. Не подчиняя вамъ своей грѣшной мірской воли, я побоюсь приложить къ старымъ грѣхамъ моимъ еще новый грѣхъ никому ненужной моей умственной гордости; но относительно другихъ мірянъ скажу вотъ что: чѣмъ же я виноватъ, что г. Филиповъ, напримѣръ (мірянинъ) *одинъ во всей Россіи* 70-хъ годовъ возвысилъ свой голосъ печатно противъ болгарскихъ неканоническихъ притязаній и осмѣлился одинъ стать на сторону греческаго духовенства? *Теперь* всѣ болѣе или менѣе съ нимъ согласны. Или еще: *никакое послушаніе* личной подчиненной воли не можетъ *мой умъ* убѣдить въ томъ, что г. Соловьевъ не правъ, когда говоритъ, что и

Православная Церковь «развивалась» въ эпоху Вселенскихъ Соборовъ и что она можетъ *должна* даже (если у нея это уже не отнято свыше) снова развиваться и слѣдовательно *жить*. Единственную внѣшнюю уступку, которую я могу сдѣлать, это называть «развитіе» «раскрытіемъ», какъ выражаются по этому случаю болѣе или менѣе «официально» противники г. Соловьева. Выраженіе это менѣе вѣрно, точно и ясно, чѣмъ «развитіе», но будемъ такъ говорить, ибо сущность дѣла отъ этого не измѣнится. И цвѣтокъ, «развивающагося» растенія *раскрывается*. И младенецъ, скрытый въ утробѣ, *развившись, обнаруживается* «разверзаетъ ложесна», на Божій свѣтъ.

Ограничивать всю жизнь Церкви однимъ охраненіемъ того, что уже извѣстно, понятно, общепринято и ясно, было бы или равнодушіемъ или упорствомъ не по разуму; это значило бы обречь Церковь пожалуй что и на полное безсиліе.

Положимъ, что намъ оказано: «подъ конецъ» останется мало «избранныхъ», но такъ какъ намъ сказано тоже, что *вѣрнаго* срока

этому концу мы знать не будемъ до самой *послѣдней* минуты, то зачѣмъ же намъ прежде времени опускать руки и лишать свою Церковь всѣхъ тѣхъ *обновляющихъ* реформъ, которыми она обладала въ ея лучшія времена, отъ сошествія Св. Духа до великой побѣды иконопочитанія надъ иконоборчествомъ и т. д. и т. д.

Міряне (прибавилъ бы я, все возражая почтительно великимъ и удаленнымъ отъ міра *охранителямъ*) міряне, напротивъ того, могутъ и должны мыслить, и писать о *новыхъ* вопросахъ, и потому, что они обязанностями *сана* не связаны, и потому еще, что слово ихъ не имѣетъ той *болѣе обязательной* силы, которую, для вѣрующихъ читателей, всегда будутъ имѣть слова патріарха, епископа, или духовнаго старца, уважаемаго подвижника. Мыслить и писать о *новомъ* мірянину надо, не надо только ему считать свой образъ мысли *непогрешительнымъ*. Надо умѣть (публично даже, если нужно) отказаться отъ него, если *признанныя* церковныя власти открыты и властно его отвергаютъ. Позволительно даже, пожалуй, утѣшаться внутренно или тѣмъ, что

часъ принятія этихъ мыслей, по смотрѣнію Божію, *еще не пришелъ*; или хоть тѣмъ, на что я выше указывалъ: *мнѣ самому*, тоже по Высшей Волѣ, душеспасительнѣй теперь замолчать и покориться. Такія временныя пріостановки не исключаютъ ни движенія, ни даже позднѣйшаго какого нибудь приближительнаго торжества.

Вотъ въ этомъ то смыслѣ я полагаю, что и труды Хомякова и Самарина принесутъ частью отрицательные, частью же и положительные плоды. Давно ли они, эти замѣчательныя сочиненія, стали занимательными для русскихъ умовъ? Имъ предстоитъ еще распространеніе; онѣ однѣ еще могутъ пробудить нѣкоторую борьбу «на почвѣ не только *національно-русской*», но и на *Восточно-культурномъ, греко-россійскомъ* и *общеславянскомъ* поприщѣ. Перешли ли на примѣръ ученые чехи цѣлыми сотнями въ православіе? А если они *начнутъ переходить*, хотя бы сначала движимые лишь *племенными* увлеченіями? Развѣ оттуда (или отъ Хорватовъ) нельзя уже вовсе ждать замѣчательныхъ трудовъ по части того, что

Соловьевъ зоветъ «національной мистикой». Неужели и всѣ эти великіе въ жизни психической толчки произойдутъ въ бездарномъ безмолвіи?.....

К. Н. Леонтьевъ.

Сообщилъ прот. Іосифъ Фудель.

Примечания

Настоящій «отрывокъ» безъ заглавія и конца найдевъ нами въ бумагахъ К. Леонтьева. Это черновой набросокъ одной изъ неоконченны-хъ главъ «Записокъ Отшельника», печатавшихся въ Гражданинѣ 1868 г. съ подзаголовкомъ «Влад. Соловьевъ противъ Данилевскаго». Въ числѣ другихъ онъ войдетъ въ VII-й томъ печатающагося собранія сочиненій К. Леонтьева.

Прот. І. Фудель

[^^^]